

РИТОРИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ОШИБКИ

Интерес к исследованию и теоретическому осмыслению такого явления в языке, как *ошибка*, сформировался в лингвистике в начале XX в., когда была опубликована работа А. Фрея «Грамматика ошибок», в которой была предложена классификация ошибок и предпринята попытка объяснения причин их возникновения. Именно в данной работе было высказано мнение о том, что системное описание часто встречающихся ошибок может внести вклад в описание процессов изменения языковой системы [1].

Л. В. Щерба, который выделял три объекта языкознания – языковую систему, речевую деятельность и языковой материал, предложил рассматривать ошибки в рамках последней категории, введя в область языкового анализа отрицательный языковой материал [2]. Также им был предложен термин «пассивная грамматика», которая помогает описывать языковые явления с точки зрения слушающего. Идея изучения ошибочного материала в контексте пассивной грамматики оказалась продуктивной и в настоящее время тесно связана с современными исследованиями, рассматривающими социокультурную роль и функции языковых ошибок в коммуникации.

Вслед за Л. В. Щербой мы полагаем, что анализ отрицательного языкового материала является важным элементом лингвистических исследований. Необходимость комплексного изучения языковой ошибки становится все более актуальной в самых различных областях человеческой деятельности, связанной с коммуникацией. Например, в теории перевода классификация переводческих ошибок привела к появлению новой дисциплины – эрратологии.

В последнее время лингвисты различных направлений, а также представители других научных областей проявляют интерес к проблематике отрицательного языкового материала, предлагая различные классификации и толкования ошибки как перцептивного и когнитивного явления. В связи с различиями в постановке целей изучения феномена ошибки наблюдается терминологическая несогласованность: при описании сходных явлений авторы используют термины *грамматические ошибки*, *языковые ошибки*, *речевые недочеты*, *речевые ошибки*, *речевые отклонения*, *речевые неудачи*.

Среди исследователей нет единства в отборе принципов и оснований для комплексной классификации. Если взять за основу традиционный принцип о разграничении понятий *язык* и *речь*, то классификация ошибок строится на основе формального соотнесения ошибок с уровнями языка. Существуют также классификации ошибок с учетом структуры языковых единиц и их функционирования в речи, а также классификации, построенные исключительно на основе стилистического принципа. В частности, М. Н. Кожина предлагает разделить ошибки на стилистические и нестилистические [3].

Исследователи М. Т. Баранов и другие предлагают называть все ошибки, в том числе и грамматические, речевыми. При этом Г. И. Мишурова разделяет речевые ошибки на языковые (лексико-фразеологические, морфологические и синтаксические) и стилистические (фонетико-стилистические, лексико-стилистические, морфолого-стилистические, стилистические погрешности в области синтаксиса). Таким образом, термин *грамматические ошибки* не используется вовсе, хотя при этом отдельно рассматриваются морфологические и синтаксические ошибки, названные языковыми [4].

Мы видим, что трудности в разграничении видов ошибок и составлении их классификации приводят к тому, что термин *грамматическая ошибка* при кажущейся простоте и однозначности не имеет фиксированного определения.

В практике обучения русскому языку в школе используется определение: «Грамматические ошибки – это нарушения норм грамматики в образовании слова, словосочетания и предложения, а также в употреблении форм слов» [5, с. 82]. Грамматические ошибки традиционно подразделяются на морфологические и синтаксические, хотя при толковании понятий *морфологическая ошибка* и *синтаксическая ошибка* исследователи также не находят единства. Например, многие исследователи (В. И. Капинос) относят словообразовательные ошибки к грамматическим. Другие (М. Н. Морозова) считают словообразовательные ошибки речевыми [6]. М. Н. Кожина полагает, что «критерием определения вида ошибки (синтаксическая или стилистическая) является соотнесение ее с нормами русского литературного языка: синтаксиса или стилистики» [7].

Н. А. Жданов выделяет стилистические ошибки синтаксического характера, к которым относят «ошибки в построении предложений (в согласовании, управлении, употреблении причастных и деепричастных оборотов, в порядке слов, в структуре сложного предложения)» [7]. К синтаксическим ошибкам также относятся ошибки в пунктуации. Некоторые исследователи называют морфологические и синтаксические ошибки «речевыми ошибками грамматического характера» [8].

Мы полагаем, что такое неоднозначное понимание различными исследователями феномена ошибки и отсутствие комплексной классификации отрицательного языкового материала позволяет нам относительно свободно трактовать термин *грамматическая ошибка*. В то же время все исследователи-лингвисты всегда были едины в одном: ошибка – это нарушение нормы, отрицательный пример того, как нельзя говорить.

Однако в последнее время даже подход к ошибке как отрицательному языковому материалу постепенно размывается и подвергается пересмотру. Такое изменение тенденций связано с тем, что в обществе изменилось отношение к речевым оплошностям в целом. Мы стали терпимее и снисходительнее к недочетам грамматики и стилистики в речи, которые все чаще появляются не только в школьных сочинениях, но и в корпусе публичных текстов, в медийном пространстве, в политических выступлениях, которые влияют на массовое сознание.

Все чаще ошибки в речи рассматриваются как социокультурное явление. Исследователь Н. Г. Брагина указывает, что «речевые оплошности имеют тенденцию к закреплению в узусе в качестве единицы, используемой как средство экспрессивности» [9, с. 349].

Лингвистические исследования столкнулись с необходимостью привлечения междисциплинарных связей и терминологического корпуса других областей знаний. В частности, на помощь лингвистам и грамматистам может прийти опыт исследований в риторике, которая никогда не рассматривала ошибку в речи как однозначный недочет. Известный филолог М. Л. Гаспаров отмечает подвижность и неопределенность риторического статуса ошибки, указывая, что «в классической риторике грань между ошибкой и художественным приемом очень зыбка и может быть изменчивой» [7].

Риторика, на протяжении нескольких тысячелетий изучавшая языковой материал не сам по себе, а только в связи с его воздействием на слушателя и с точки зрения эффективности аргументативной силы тех или иных речевых тактик и стратегий, определяет ошибку как языковое средство, обладающее социальной значимостью, культурной маркированностью и даже манипулятивным потенциалом.

В парадигме риторической аргументации, где каждое речевое действие и выбор слов в нем отражает пафос (эмоциональное воздействие), регулируется этосом (степень доверия к говорящему) и представляет собой логос (логику и структуру высказывания), языковая ошибка уже рассматривается не с точки зрения соответствия правильности, а с точки зрения результата речи, которые у говорящего и у слушающего могут не совпадать. Поэтому, в отличие от лингвистики (грамматики), в риторике уже давно сложилось отношение к ошибке не как к отступлению от правил, а как к правилу отступления от правил.

Рассмотрение риторического потенциала грамматической ошибки (в широком смысле) при анализе публичных выступлений и высказываний политиков и известных людей представляется более эффективным, поскольку позволяет учесть сразу несколько важных социокультурных составляющих данного явления, а именно языковой пафос (эмоциональное воздействие на слушающего) и этос (формирование общественного отношения к образу говорящего). При этом необходимо учитывать намеренность или непреднамеренность говорящего.

Как указывает Н. Г. Брагина, необходимо отличать речевую оплошность как непреднамеренную ошибку говорящего, окказионализмы, которые «создаются и употребляются намеренно», и эрративы, являющиеся «умышленным искажением, допущенным говорящим, который владеет литературной нормой» [9, с. 346].

Непреднамеренные грамматические ошибки стали объектом научной рефлексии и наблюдения как в грамматике (лингвистике), так и в риторике. В терминах риторики непреднамеренная грамматическая ошибка представляет собой случайное, непредвиденное нарушение логоса, которое влечет за

собой ослабление этоса и пафоса. Если говорящий допускает большое количество речевых оплошностей, то логос нарушается настолько, что этос и пафос не могут успешно реализоваться: слушатели видят в говорящем неграмотного и косноязычного человека, что приводит к коммуникативной неудаче. Однако риторический потенциал непреднамеренной грамматической ошибки заключается в том, что, благодаря своей особенности привлекать внимание, нарушенный логос порождает свой собственный риторический контекст и продолжает самостоятельно функционировать и воспроизводиться в речи, создавая совершенно иной этос и пафос. При этом риторическое воздействие нового сочетания риторических компонентов оказывается настолько сильным, что влияет не только на создателей нового риторического контекста, но и на того, кто допустил грамматическую ошибку изначально. Грамматические ошибки, существующие в отрыве от первоначальной риторической ситуации, лексикализуются в речи, закрепляясь в форме фразеологизмов и идиоматических словосочетаний, что приводит к пересмотру статуса «автора» как коммуникативного неудачника.

Рассмотрим несколько случаев того, как непреднамеренная грамматическая ошибка создает новый риторический контекст, на примере так называемых *бушизмов* – выражений из американского английского языка, содержащих самые различные ошибки из выступлений 43-го Президента США Джорджа Буша. Индивидуальный коммуникативный стиль Дж. Буша был настолько насыщен речевыми и грамматическими недочетами, что многие бушизмы превратились в мемы (вирусные шутки) и стали употребляться авторами для стилистической окраски своих текстов. Одним из самых известных бушизмов является использование несуществующей формы имени существительного *интернет*.

We can have filters on Internets where public money is spent <...> I hear there's rumors on the Internets that we're going to have a draft...

Данная грамматическая ошибка не осталась незамеченной и получила широкое международное распространение. В русском языке мем закрепился в форме фраз *в этих ваших интернетах* и *в этих ваших интернетах бесконечных*, в которых ключевое существительное употребляется вместе с указательным и притяжательным местоимениями и прилагательным в постпозиции к определяемому слову, использование которых (в соответствии с правилами русского языка о необходимости согласования определителя и определяемого по числу) в формах множественного числа дополнительно подчеркивает ошибочность грамматической формы существительного.

Употребляя эти выражения, говорящий пародирует определенный тип мышления, косный и ретроградный, чуждый техническому прогрессу и компьютерной грамотности, более типичный для старших поколений. Создаваемый при этом культурный код общности говорящего либо его самоидентификации с определенными социальными группами населения является не чем иным, как оперированием категориями этоса, недаром в русском варианте добавилось слово *ваши*, т. е. не «наши/мои» и, следовательно, «чужие».

На первом месте в списке самых известных бушизмов, по мнению американских лингвистов, находится эталон любви американского президента к неологизмам, слово *misunderestimate*, которое можно перевести как *перенеооценить*. Данный бушизм сразу приобрел популярность, и его стали использовать в качестве стилистически окрашенного окказионализма с целью создания более драматического эффекта, например: *We have seriously underestimated the effects of a Bush presidency. They were far worse than anyone ever expected.*

Неудивительно, что репутация Буша как политика сложилась в зависимости не только от эффективности принимаемых им решений, но и от его весьма специфических ораторских способностей, о чем свидетельствуют многочисленные комментарии пользователей, высказывания других политиков и знаменитостей, а также попытки исследования его речевого стиля. Так, грамматические ошибки отрываются от коммуникативной ситуации, в которой они прозвучали первоначально, и начинают воспроизводиться и самостоятельно функционировать, создавая иные риторические фреймы. При этом они уже выступают как компонент нового логоса, этоса и пафоса, которые становятся объектом изучения и научного наблюдения.

Еще одна разновидность непреднамеренной грамматической ошибки в широком понимании, а точнее, семантическая ошибка, при которой одно слово заменяется близким по звучанию словом, или малапропизм, обладает большим риторическим потенциалом, что подтверждается многочисленными примерами из русскоязычных и англоязычных источников. Малапропизмы также могут являться признаком индивидуального коммуникативного стиля и свидетельствуют о невысоком уровне образования и общей безграмотности говорящего. Американский бейсболист Йоги Берра стал во многом известен своими комментариями, получившими название *йогизмы*, которые в большинстве своем имели форму очевидной тавтологии, парадоксального противоречия или лексической ошибки, например: *It ain't the heat, it's the humility*. Слово *humility* 'унижение' используется вместо слова *humidity* 'влажность'. Еще один известный йогизм: *Texas has got a lot of electrical votes*. Слово *electrical* употреблено вместо *electoral*.

Малапропизмы стали настолько распространены в современном коммуникативном пространстве, что легли в основу речи комедийного персонажа Миранды Сингс, созданной актрисой Коллин Баллинджер и ставшей героиней комедийного сериала «Haters, back off!» (Ненавистники, прочь!). Критики назвали Миранду персонажем, «отражающим дух нашего времени». Миранда – это собирательный сатирический образ, высмеивающий речевую безграмотность молодого поколения. Речь Миранды представляет собой набор самых разнообразных языковых ошибок, среди которых малапропизмы выступают как визитная карточка. Таким образом, грамматическая ошибка трансформируется даже не в афоризм или крылатое выражение, а в идиоматический компонент, характеризующий особенности коммуникативного стиля целого поколения.

Риторический потенциал непреднамеренной грамматической ошибки также подтверждается ее способностью выступать как характеристика народной языковой картины мира. Рассмотрим данную особенность на примере высказываний российского государственного деятеля В. С. Черномырдина, который внес весомый вклад в идиоматику современного русского языка афоризмами, в обиходе известными как «черномырдинки». Одним из самых известных высказываний В. С. Черномырдина является *Хотели, как лучше, а получилось, как всегда*. По мнению Ю. М. Лужкова, мэра Москвы (1992–2010), данный афоризм вошел в золотой фонд российского управленческого фольклора [10, с. 172].

Строго говоря, именно данное высказывание нельзя отнести к грамматическим ошибкам, да и вообще затруднительно квалифицировать как ошибку определенного рода. По нашему мнению, самые широко известные «черномырдинки» можно определить, как зевгмы, то есть фигуры речи, основанные на нарушении закона логического тождества. Подобное представление о зевгме как стилистической ошибке может быть рассмотрено как вариант грамматической ошибки в широком понимании.

Такие высказывания В. С. Черномырдина, как *Лучше водки хуже нет* или *Народ пожил – и будет!*, превратились в крылатые выражения, которые регулярно воспроизводятся и не теряют своей популярности, а сам автор, похоже, стал родоначальником традиции афористично-косноязычного разговора ответственного лица с народом (точнее, с журналистами, берущими интервью). По мнению Н. Г. Брагиной, политики, лингвисты, журналисты согласились, что «черномырдинки» стали важной характеристикой российского политического этоса и выражением свойств русской языковой картины мира [10, с. 178].

Очевидно, чем выше статус говорящего, тем выше ролевые ожидания, предъявляемые к его коммуникативному стилю и грамотности. Соответственно, возникновение нового риторического контекста будет прямо пропорционально статусу говорящего и ролевым ожиданиям. Например, довольно известная цитата Мэрилин Монро *Friendship is the bestiest thing...* не переросла в дальнейшем в вирусный мем или идиому, так и оставшись просто высказыванием известной актрисы, которая допустила грамматическую ошибку в речи, и новый риторический контекст не возник.

Вместе с тем в 2015 г. министр обороны РФ С. К. Шойгу утвердил девиз для воинов и гражданских специалистов материально-технического обеспечения Вооруженных сил: *Никто лучше нас*. Мы склоняемся к мысли, что данный девиз представляет собой неверный эллипсис с эффектом зевгмы, сочетая в себе сразу две синтаксические структуры: *Нет никого лучше нас* и *Никто не может сделать это лучше, чем мы*. Именно поэтому при попытке развернуть эллиптическое высказывание в полноценное предложение возникает юмористический эффект, который стал поводом для многочисленных пародий в социальных сетях: *Непобедимые как совсем! Быстрые как тогда! Никто более лучше нас! После нас хоть никто! Кто хуже нас, тот они!* [11].

Мы полагаем, что к актрисе, которая стала популярной исключительно благодаря своим внешним данным и никогда не претендовала на роль публичного оратора, широкая общественность не предъявляла требований, связанных с грамотностью речи, ясностью и логикой выражения мыслей. Грамматическая ошибка в речи М. Монро привлекает меньше внимания, чем речевая оплошность в выступлении известного политика или представителя правительства. Чем выше общественный и интеллектуальный статус говорящего, чем больше внимания будет привлекать ошибка, и тем более высока вероятность возникновения новых риторических контекстов.

Таким образом, отрицательный языковой материал в традиционной грамматике, рассмотренный с точки зрения современного аргументативного дискурса, создает свою собственную норму, основанную на компонентах риторического воздействия, а именно пафоса и этоса. Следовательно, риторический потенциал грамматической ошибки как социокультурного феномена является актуальным объектом лингвистического исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фрей, А.* Грамматика ошибок / А. Фрей. – М. : КомКнига, 2006. – 304 с.
2. *Щерба, Л. В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л. В. Щерба // *Языковая система и речевая деятельность* / Л. В. Щерба. – Л., 1974. – С. 24–39.
3. *Кожина, М. Н.* Стилистика русского языка / М. Н. Кожина. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 464 с.
4. *Методика преподавания русского языка в школе : учеб. пособие* / М. Т. Баранов [и др.]. – М. : Academia, 2000. – 361 с.
5. *Цейтлин, С. Н.* Речевые ошибки и их предупреждение : учеб.-метод. пособие / С. Н. Цейтлин. – М. : Просвещение, 1982. – 143 с.
6. *Капинос, В. И.* О критериях оценки речи и об ошибках, грамматических и речевых / В. И. Капинос // *Оценка знаний, умений и навыков учащихся по русскому языку : сб. ст. / сост. В. И. Капинос, Т. А. Костяева.* – М., 1986. – С. 78–88.
7. *Ефимова, Н. Н.* Отрицательный языковой материал: векторы исследования / Н. Н. Ефимова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otritsatelny-yazykovoy-material-vektory-issledivaniya>. – Дата доступа: 19.10.2020.
8. *Христолюбова, Т. А.* Место грамматических ошибок среди других ошибок / Т. А. Христолюбова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-grammaticeskih-oshibok-sredi-drugih-oshibok>. – Дата доступа: 19.10.2020.
9. *Брагина, Н. Г.* Слово сочетание *русский язык*: ценностные коннотации / Н. Г. Брагина // *Память в языке и культуре* / Н. Г. Брагина. – М., 2007. – С. 345–352.

10. Брагина, Н. Г. Поэтика косноязычия: черномырдинки / Н. Г. Брагина // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2016. – Т. 7, № 7. – С. 168–179.
11. Брагина, Н. Г. Речевые оплошности в интернет-коммуникации / Н. Г. Брагина [Электронный ресурс].– Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevye-oploshnosti-v-internet-komminikatsii>. – Дата доступа: 19.10.2020.